

Глава 1

КОРОЛЬ И ЕГО ВЛАДЕНИЯ

Безмолвно и неподвижно, словно огромный красно-бурый утёс, стоял Тэр, оглядывая свои владения. Маленькие и широко поставленные глаза его, как и у всех гризли¹, видели плохо. На расстоянии трети или полумили ему ещё удавалось рассмотреть козу или горного барана, но дальше всё исчезало либо в сверкающем солнечном мареве, либо в непроглядном мраке ночи, и только по запахам и звукам Тэр догадывался о том, что творится вокруг. Он и теперь не мог видеть, что происходило внизу, в долине. Ветер приносил оттуда странный и непонятный запах, который беспокоил Тэра. Именно это и насторожило его, и теперь Тэр стоял тихо, не шевелясь. Тщетно ум животного бился над разрешением загадки. Пахло не карибу² — их-то он убивал немало, — не козой и не горным бараном. Это не был запах ленивых толстых сурков, нежащихся на согретых солнцем скалах, — сурков он ел сотни раз... Этот запах не вызывал у него ни злобы, ни страха. Тэра разбирало любопытство, и всё же он не решался спуститься вниз. Удерживала на месте осторожность. Но, даже если бы у Тэра было прекрасное зрение, он всё равно не узнал бы больше того, что рассказал ему ветер.

¹ Гр^изли — крупный серый медведь, обитающий в Северной Америке.

² Кар^ибу — некрупный канадский олень.

Тэр стоял у самого края уступа скалы. В одной восьмой мили¹ под ним расстилалась долина, а на таком же расстоянии вверх от него шла расщелина, по которой медведь спустился сюда вчера днём. Ложбинка на уступе горы, не более акра² величиной, заросла по краям роскошной мягкой травой и цветами: пестрели фиалки, лоскутки незабудок, дикие астры и гиацинты. А посредине её была жидкая грязь, и место это, футов³ в пятьдесят шириной, Тэр посещал всякий раз, когда у него начинали болеть ноги.

На север, восток и запад в золотистом свете июньского утра распахнулась удивительная панорама Канадских Скалистых гор. Отовсюду — из прорезанных в сланце ложинок и узких теснин, со скал, подбирающихся к линии вечных снегов, из долин — несло, наполняя округу, монотонное, ласкающее журчание. Реки, потоки и ручьи стекали вниз из-под самых облаков, оттуда, где лежали вечные снега, и в воздухе, не умолкая, звучала музыка бегущей воды. Всё благоухало. Последний месяц северной весны, июнь, шёл на убыль, уступая место первому месяцу горного лета.

¹ Милья — 1852 м.

² Акр — мера земли, равная 4046,86 м².

³ Фут — 30 см.

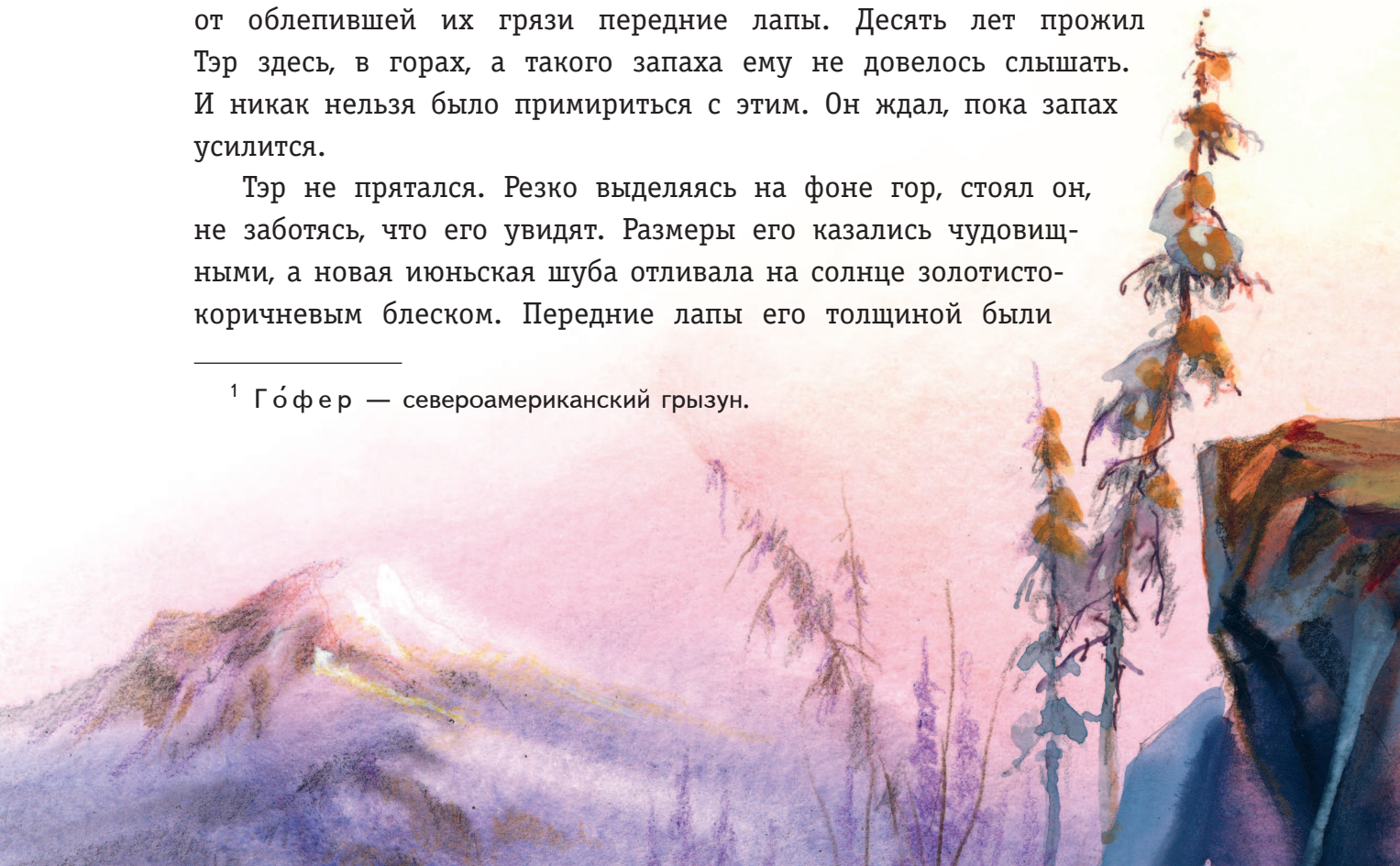

Ранние цветы уже покрыли солнечные склоны яркими коврами — красными, белыми, пурпурными. И всё живое пело: толстые сурки на скалах, важные гоферы¹ на своих холмиках, огромные шмели, перелетающие с цветка на цветок, ястребы, орлы, парящие над вершинами. Даже Тэр и тот по своему пел: когда он всего несколько минут назад топтался в вязкой грязи, из огромной груди гризли вырывалось какое-то странное урчанье, не похожее ни на его воркотню, ни на рёв. Это значило, Тэр доволен — это была его песня. И вот прекрасный день вдруг как-то сразу померк. Не шевелясь, Тэр всё ещё принюхивался к ветру. Он был озадачен. Запах волновал его, хотя и не вызывал тревоги. Незнакомый запах действовал на гризли так же, как первый обжигающий глоток бренди на ребёнка. И низкое, зловещее, как отдалённый гром, рычание вырвалось у него из груди. Сознание подсказало наконец, что владыка этих просторов не кто-нибудь, а он, гризли, и появление здесь какого бы то ни было непонятного ему запаха — вещь просто недопустимая.

Медленно поднялся он во весь свой десятифутовый рост и, как дрессированная собака, уселся, уронив, на грудь отяжелевшие от облепившей их грязи передние лапы. Десять лет прожил Тэр здесь, в горах, а такого запаха ему не довелось слышать. И никак нельзя было примириться с этим. Он ждал, пока запах усилится.

Тэр не прятался. Резко выделяясь на фоне гор, стоял он, не заботясь, что его увидят. Размеры его казались чудовищными, а новая июньская шуба отливала на солнце золотисто-коричневым блеском. Передние лапы его толщиной были

¹ Го́фер — североамериканский грызун.

почти с туловище человека, из них торчали огромные когти-ножи, по пять с половиной дюймов¹ каждый. Лапы гризли пропахали в грязи две параллельные борозды, расстояние между которыми было не меньше пятнадцати

¹ Дюйм — 2,54 см.

дюймов. Он был толстый, гладкий и могучий. Глазки, не больше мелких орехов гикори¹, сидели в восьми дюймах один от другого. Два верхних клыка, острые как кинжалы, были длиной с большой палец мужчины, а огромным челюстям ничего не стоило перегрызть шею карibu.

Тэру ещё не приходилось встречаться с человеком, и ещё ничто не могло ожесточить его. Подобно большинству гризли, он никогда не убивал ради удовольствия убить. Из целого стада выбирал он одного карibu, которого и съедал без остатка, высосав мозг из каждой косточки. Царствовал Тэр мирно. И требовал он только одного: «Не тронь меня». Это же самое говорила и вся его поза, когда, сидя на задних лапах, он принюхивался к незнакомому запаху.

Неприступные вершины гор вздымались высоко в небо. Могучий, одинокий, величественный, гризли был под стать этим горам. Равных ему не было в горных долинах. Гризли неразлучны с горами — так повелось из века в век, — и Тэр был весь плоть от плоти и кровь от крови этих гор. Среди них начиналась, среди них и угаснет вся его родословная.

До сих пор не случалось такого, чтобы кто-нибудь мог усомниться в могуществе и правах Тэра, разве только его же сородичи. Но с ними он обычно дрался по всем правилам и нередко — насмерть... И он готов был к новым схваткам, пусть только посягнут на его права. А пока его не свергли, он здесь властелин, вершитель судеб и — захоти только им быть — деспот.

Династия, к которой принадлежал Тэр, царила здесь, в долинах, и на склонах гор испокон веков, и всё живое было послушно её велениям. Правил здесь и Тэр. Делал он это попросту. Его ненавидели, перед ним трепетали. Но сам он не знал ни ненависти, ни страха и действовал в открытую. Ему ли было прятаться от того неизвестного, что надвигалось на него снизу, из долины?

Пока он сидел, поводя острым коричневым носом, какая-то неясная нить протянулась в сознании гризли к далёким поколениям предков. Тэр никогда раньше не слышал подобного запаха, и всё же теперь тот не казался ему

¹ Гикори — дикий орешник с мелкими орехами.

совершенно незнакомым. Запах не находил себе названия и не вызывал никакого определённого образа, но Тэр уже знал, что это — угроза.

Минут десять сидел гризли, словно каменное изваяние. А потом ветер переменился, и запах стал слабеть, пока не исчез совсем. Плоские уши Тэра слегка приподнялись. Медленно повернул он свою огромную голову и оглядел зелёный склон и уступ. И теперь, когда воздух был снова чист и свеж, он сразу забыл этот обеспокоивший его запах. Гризли опустился на четвереньки и возобновил прерванную охоту на гофера.

Зрелище получалось довольно забавное. Тэр весил добрую тысячу фунтов¹, а горный гофер не больше шести дюймов величиной весит шесть унций². Но Тэр мог без усталости копать землю хоть час, чтобы достать маленького, толстого гофера и проглотить его, как пилюлю. Это было лакомство, на поиски которого Тэр не жалел ни трудов, ни времени.

Облюбовав нору, расположение которой его устроило, гризли принялся разгребать землю, как собака, охотящаяся за крысой. Тэр находился на самом верху склона. Ещё раз или два в последующие полчаса поднимал он голову, но странный запах из долины больше не беспокоил его.

¹ Фунт — 409 г.

² Унция — 30 г.

НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

А тем временем милей ниже, в долине, там, где ель и пихта, подступая к оврагу, начинали редеть, Джим Ленгдон придержал лошадь. Долго смотрел он перед собой, затаив дыхание. Потом вздохнул с наслаждением и, подогнув правую ногу, удобно упёрся коленом в луку седла. Он ждал. Отстав от него ярдов¹ на двести-триста, Отто, всё ещё не выбравшийся из леса, никак не мог справиться с Дишпен, упрямой вьючной кобылой.

Ленгдон улыбался, прислушиваясь к выкрикам спутника, грозившего Дишпен всевозможными карами, начиная с обещания немедленно вспороть ей брюхо и кончая посулом более милосердной смерти — от удара дубинкой. Дух захватывало от всех этих обещанных ужасов, на выдумку которых разъярённый Отто бывал неистощим. Однако на лошадей они не производили никакого впечатления. У Ленгдона же вызывали улыбку и восхищение. Он прекрасно знал, что, как только огромный, добродушный Брюс Отто упрётся плечом в тюк на спине лошади, желая помочь ей, именно в этот момент Дишпен опрометью кинется вперёд, а уж после этого бедняге не останется ничего другого, как разразиться такими проклятиями, от которых кровь стынет в жилах.

¹ Ярд — 91 см.

Но вот одна за другой все шесть вьючных лошадей экспедиции выбрались из чащи. Здоровенный детина верхом на индейском горном пони замыкал шествие. Он сидел в седле согнувшись, подтянув колени почти к самому подбородку: такая посадка выработалась у него за долгие годы жизни в горах, да и то потому, что нелегко, конечно, человеку шести футов и двух дюймов ростом ехать верхом на пони.

Ленгдон спешился и осмотрелся. Его отросшая светлая борода подчёркивала густой загар лица. Расстёгнутый ворот рубашки открывал обветренную и загорелую шею. Серо-голубые глаза его, острые и пронизательные, изучали окрестность с весёлым упорством охотника и искателя приключений.

Ему было тридцать пять лет. Половину своей жизни он проводил в диких местах, а всё остальное время писал об увиденном.

Спутник его был лет на пять старше, но зато на шесть дюймов выше, если, конечно, лишние шесть дюймов можно считать преимуществом. Брюс полагал, что никакого преимущества здесь нет. «Вся беда в том, — говаривал он, — что я никак не перестану расти».

Он подъехал к Ленгдону и спешился.

— Видел ты что-нибудь подобное? — спросил Ленгдон.

— Недурное местечко, — согласился Брюс. — И самое подходящее для лагеря. Здесь тебе и карибу, и медведи. Свежее мясо нам не помешает. А ну-ка, дай спичку, Джим.

У них вошло в обычай раскуривать трубки от одной спички. После первой глубокой затяжки Ленгдон кивнул в сторону леса, из которого они только что выбрались.

— Здесь бы и разбить лагерь, — сказал он. — Сухой хворост, проточная вода и пихта; из пихты можно устроить хорошие постели. А лошадей стреножим и выпустим на ту лужайку в миле отсюда, через которую мы проезжали. Там и травы, и дикой тимофеевки край непочатый. — Он взглянул на часы. — Ещё только три. Можно отправляться дальше... Но... Как по-твоему, может быть, задержимся на денёк-другой, посмотрим, что здесь хорошего?

— Что ж, пожалуй, — отозвался Брюс.

Он сел, прислонившись спиной к скале, и пристроил на коленях длинную подзорную трубу из меди. Труба эта была реликвией ещё времён Гражданской войны.

Ленгдон отстегнул от седла бинокль, привезённый из Парижа.

Они сидели плечо к плечу, внимательно исследуя холмистые склоны и зелёные скаты гор, возвышавшихся перед ними.

Вот она, дикая, «неведомая страна», как окрестил её Ленгдон. Ведь к этим местам невозможно было подступиться; непроходимые дебри окружали их со всех сторон, и, насколько можно было судить, нога человека ещё не ступала здесь. Двадцать дней продирались Брюс и Ленгдон сквозь эту чащу и прошли всего сто миль; каждая миля досталась им с трудом. Вчера днём перевалили через гребень Великого Водораздела, который, казалось, расколол самые

небеса надвое, а теперь они рассматривали первые зелёные склоны и величавые вершины Файерпенских гор.

На севере — а они направлялись на север — протекала река Скина; на западе и юге лежала горная страна Бэбин с бесчисленными реками и озёрами; на востоке, за Великим Водоразделом, — горный район реки Оминеки и притоки Финлея.

Охотники ушли из обжитых мест десятого мая, а сегодня уже тринадцатое июля. Теперь они наконец у заветной цели. Два месяца пробирались они в эти края, куда ещё не проникал человек. И их старания увенчались успехом. Сюда не забредал ни охотник, ни старатель. Сказочная долина расстилалась перед ними. И сейчас, на пороге её тайн и чудес, Ленгдон испытывал ту особую радость и упоение, которые понятны только людям одного с ним душевного склада.

Его друг и товарищ Брюс Отто, с которым он пять раз забирался на север, считал, что все горы совершенно одинаковы. В горах он родился и прожил жизнь. В них же, скорее всего, и умрёт.

Брюс вдруг резко толкнул Ленгдона локтем в бок.

— Вижу трёх карibu, — сказал он, не отрываясь от подзорной трубы. — Идут поперёк склона, милях в полутора вверх от долины.

— А я — козу с козлёнком. Вон там, на чёрном сланце первой горы справа, — отозвался Ленгдон. — Бог ты мой! А вот и «батюшка» смотрит на неё вверх, с утёса... Да у него борода в целый фут длиной! Ставлю что хочешь, Брюс, — мы очутились в настоящем райском саду.

— Пожалуй, — рассеянно сквозь зубы процедил Брюс, пристраивая подзорную трубу повыше на колене. — Здесь полным-полно горных баранов и медведей, уж поверь моему слову.

Минут пять они молча наблюдали. Позади них лошади жадно щипали густую, сочную траву. Долина, казалось, спала, затопленная морем солнечного света. И только голос воды, бегущей с гор, звенел в ушах Ленгдона и Отто. И Ленгдон подумал, что так бывает только во сне.

Долина напоминала огромную, уютно свернувшуюся кошку. А все звуки, слившиеся в их ушах в одно мелодичное журчание, были её блаженным сонным мурлыканьем.

Ленгдон всё ещё наводил бинокль, чтобы поближе разглядеть козла, застывшего на утёсе, когда Отто снова заговорил.

— Вижу гризли, здоровенного, как дом, — сообщил он бесстрастно.

Редко кому удавалось нарушить его невозмутимость. Разве что вьючным лошадям и особенно этой Дишпен. Самые же волнующие сообщения вроде

последнего Брюс делал с такой небрежностью, словно речь шла о букетике фиалок.

Ленгдон резко выпрямился.

— Где? — спросил он и нагнулся над плечом товарища, прослеживая направление подзорной трубы. Нервы его напряглись.

— Видишь, вон там склон у второго отсюда перевала... прямо за ущельем? — сказал Брюс, прищуривая глаз. — Он как раз на полпути к этому перевалу. Выкапывает гофера.

Ленгдон навёл бинокль на склон и ахнул.

— Видишь? — спросил Брюс.

— Как будто перед самым носом, — отозвался Ленгдон. — Брюс, да ведь это самый большой медведь во всех Скалистых горах!

— Если не он, то его двойник, — усмехнулся невозмутимый Брюс. — Он больше твоего восьмифутового на добрую дюжину дюймов, Джимми! И... — на самом интересном месте Брюс умолк, вытащил из кармана плитку чёрного «макдональда»¹ и откусил добрый кусок, не отрываясь при этом от подзорной трубы, — ...и ветер нам благоприятствует, а он сейчас так увлётся, что ничего не замечает, — закончил Брюс и поднялся.

Вскочил и Ленгдон. В такие минуты товарищи понимали друг друга без слов. Они завели лошадей обратно в лес и привязали их там. Из кожаных чехлов вытащили ружья и зарядили их крупным зарядом. После этого оба минуты две изучали склон и подступы к нему невооружённым глазом.

— Можно пробраться по ущелью, — предложил Ленгдон.

Брюс кивнул.

— По-моему, оттуда можно стрелять ярдов с трёхсот, — сказал он. — Лучшего не придумаешь. Если подходить снизу, он почует нас. Эх, будь это часа на полтора раньше!

— Тогда мы бы залезли на гору и свалились прямо на него! — со смехом отозвался Ленгдон. — Когда дело доходит до лазанья по горам, то второго такого сумасшедшего, как ты, Брюс, днём с огнём не сыщешь. Ведь ты

¹ «Макдональд» — название жевательного табака.

способен перевалить хоть через Хардести или Джикай, лишь бы подстрелить козла сверху, пусть даже ты мог бы с тем же успехом сделать это и не забираясь на гору. Хорошо, что сейчас не утро. Нам удастся добраться до этого медведя и по ущелью.

— Возможно, — сказал Брюс.

И они отправились.

По зелёным, цветущим лугам они шли не скрываясь, пока не приблизились к гризли примерно на полмили. Дальше он уже мог увидеть их. Ветер переменился и задул прямо в лицо. Они заторопились и не сбавляли хода, пока почти вплотную не подошли к склону, скрывавшему медведя. Теперь до него идти было всего минут пятнадцать. Ещё через десять минут они вышли к ущелью, заваленному камнями; весенние потоки, веками падающие со снеговых вершин, промыли его в склоне горы. Здесь они внимательно огляделись вокруг. Великан гризли находился сейчас от них ярдах в шести-стах вверх по склону и меньше чем в трёхстах от ближайшего к нему выхода из ущелья. Поэтому Брюс заговорил шёпотом.

— Ты поднимаешься наверх и подкрадёшься к нему, Джимми, — сказал он. — Если промажешь или только ранишь его, то он сделает одно

